

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт экономики и управления

Направление подготовки

Профиль

Кафедра «Социология, экономическая теория и международные процессы»

41.03.05 «Международные отношения»

Мировая политика и международный бизнес

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

Фактор Тайваня в отношениях между КНР и США

Студент

Синявин
Михаил
Алексеевич

_____
подпись, дата

Руководитель

Рожкова Л. В.

_____
подпись, дата

Нормоконтролер

Влазнева С. А.

_____
подпись, дата

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ № _____)

Заведующий кафедрой

Рожкова Л. В.

_____
подпись, дата

Работа защищена с отметкой _____ (протокол ГЭК от _____ № _____)

Секретарь ГЭК

Рассказова Н. В.

_____
подпись, дата

Пенза 2025

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
Институт экономики и управления
Кафедра «Социология, экономическая теория и международные процессы»
Направление подготовки 41.03.05 «Международные отношения», профиль
Мировая политика и международный бизнес

«УТВЕРЖДАЮ»:
Зав. кафедрой
д.с.н., профессор Рожкова Л.В.
«_____» _____ 20__ г.

ЗАДАНИЕ
НА БАКАЛАВРСКУЮ РАБОТУ

студенту Синявину М. А., группа 21ЭА1, обучение очное

1 Тема бакалаврской работы: Фактор Тайваня в отношениях между КНР и США

утверждена приказом по университету

от «___» _____ 20__ г. № _____

2 Срок сдачи студентом законченной бакалаврской работы: 11.06.2025.

3 Исходные данные к бакалаврской работе: научная и справочная литература, данные сети Интернет.

4 Перечень подлежащих разработке вопросов: исторические основания возникновения тайваньского вопроса в рамках американо-китайских отношений; взаимоотношения США, Тайваня и КНР в современный период; проблемы и перспективы американо-китайских отношений в свете тайваньского фактора в новом веке

5 Перечень графического материала: таблицы, рисунки.

6 Дата выдачи задания: 26.11.2024.

График подготовки бакалаврской работы

№ п/п	Содержание работы	Срок выполнения	Дата выполнения, подпись руководителя
1	Составление плана ВКР	26.11.2024 – 10.12.2024	
2	Изучение исходных данных к бакалаврской работе	11.12.2024 – 8.01.2025	
3	Написание Главы 1	9.01.2025 – 18.02.2025	
4	Написание Главы 2	19.02.2025 – 24.03.2025	
5	Написание Главы 3	25.03.2025 – 2.05.2025	
6	Написание введения и заключения	4.05.2025 – 12.05.2025	
7	Оформление ВКР	13.05.2025 – 22.05.2025	
8	Сдача ВКР нормоконтролю, проверка в системе «антиплагиат.вуз»	23.05.25 – 3.06.2025	
9	Ознакомление с отзывом руководителя	4.06.2025	
10	Представление законченной бакалаврской работы, передача в ГЭК	5.06.2025	

Руководитель _____ / Л. В. Рожкова /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Задание принял к исполнению студент _____ / М. А. Синявин /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Реферат

Бакалаврская работа 48 с., 3 ч., 1 рис., 54 источника

ТАЙВАНЬ, КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА, СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Объект исследования – Тайваньский фактор в американо-китайских отношениях.

Цель работы состоит в изучении влияния тайваньского фактора на отношения США и КНР.

Методологическую основу работы составили структурно-функциональный, правовой подходы, историко-описательный, сравнительно-политологический методы.

Результаты работы: изучены истоки возникновения тайваньского фактора в американо-китайских отношениях путем изучения американского вмешательства в ход гражданской войны в Китае; рассмотрен фактор Тайваня в американо-китайских отношениях в XX веке; рассмотрено американо-китайское взаимодействие в рамках политики «Одного Китая»; изучен тайваньский вопрос в структуре отношений США и КНР в XXI веке; рассмотрены основные параметры обострения тайваньского вопроса в современном взаимодействии США и КНР; изучен тайваньский фактор в перспективах развития американо-китайских отношений.

Рекомендации по внедрению. Изучение влияние фактора Тайваня на Американо-Китайские отношения может быть использовано органами государственной власти, научным сообществом для расширения теоретических знаний в области изучения структуры международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском Регионе.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в комплексном анализе влияния тайваньского фактора на взаимоотношения США и КНР.

Прогнозные предположения о развитии объекта исследования. Существует большая вероятность эскалации обстановки в Азиатско-Тихоокеанском Регионе в полномасштабную войну.

Summary

Bachelor's thesis 48 pages., 3 sections., 1 figure., 54 sources

TAIWAN, PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA, UNITED STATES OF AMERICA

The object of the study is the Taiwan factor in U.S.-China relations.

The aim of the work is to study the influence of the Taiwan factor on US-China relations.

The methodological basis of the work was the structural-functional, legal approaches, historical-descriptive, comparative-politological methods.

Results of the work: the origins of the Taiwan factor in U.S.-China relations were studied by studying the American intervention in the course of the civil war in China; the factor of Taiwan in U.S.-China relations in the twentieth century was considered; the U.S.-China interaction within the framework of the «One China» policy was considered; the Taiwan issue in the structure of U.S.-China relations in the XXI century was studied; the main parameters of the Taiwan issue aggravation in the modern interaction between the U.S. and the PRC were considered; the Taiwan factor in the prospects of development was studied.

Implementation Recommendations. The study of the influence of the Taiwan factor on U.S.-China relations can be used by public authorities, scientific community to expand theoretical knowledge in the study of the structure of international relations in the Asia-Pacific Region.

Theoretical and practical significance of the work consists in a comprehensive analysis of the influence of the Taiwan factor on US-China relations.

Forecast assumptions about the development of the object of research. There is a high probability of escalation of the situation in the Asia-Pacific Region into a full-scale war

Zusammenfassung

Bachelorarbeit 48 S., 3 H., 1 Abb., 54 Quellen

TAIWAN, VOLKSREPUBLIK CHINA, VEREINIGTE STAATEN VON AMERIKA

Gegenstand der Arbeit ist der Faktor Taiwan in den Beziehungen zwischen den USA und China.

Ziel der Arbeit ist es, den Einfluss des Faktors Taiwan auf die Beziehungen zwischen den USA und China zu untersuchen.

Die methodische Grundlage der Arbeit war die strukturell-funktionale, rechtliche Ansätze, historisch-deskriptive, vergleichend-politologische Methoden.

Ergebnisse der Arbeit: Die Ursprünge des Faktors Taiwan in den Beziehungen zwischen den USA und China wurden durch die Untersuchung der amerikanischen Intervention im Verlauf des Bürgerkriegs in China untersucht; der Faktor Taiwan in den Beziehungen zwischen den USA und China im 20. Jahrhundert wurde betrachtet; die Interaktion zwischen den USA und China im Rahmen der Politik «Ein China» wurde betrachtet; die Taiwan-Frage in der Struktur der Beziehungen zwischen den USA und China im XXI Jahrhundert wurde untersucht; die Hauptparameter der Verschärfung der Taiwan-Frage in der modernen Interaktion zwischen den USA und der VR China wurden betrachtet; der Faktor Taiwan in den Entwicklungsaussichten wurde untersucht.

Empfehlungen für die Umsetzung. Die Untersuchung des Einflusses des Faktors Taiwan auf die Beziehungen zwischen den USA und China kann von den Behörden und der wissenschaftlichen Gemeinschaft zur Erweiterung des theoretischen Wissens über die Struktur der internationalen Beziehungen in der asiatisch-pazifischen Region genutzt werden.

Die theoretische und praktische Bedeutung der Arbeit besteht in einer umfassenden Analyse des Einflusses des Faktors Taiwan auf die Beziehungen zwischen den USA und China.

Prognostische Annahmen über die Entwicklung des Forschungsgegenstandes. Es besteht eine hohe Wahrscheinlichkeit, dass die Situation in der asiatisch-pazifischen Region zu einem ausgewachsenen Krieg eskaliert.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Исторические основания возникновения тайваньского вопроса в рамках американо-китайских отношений.....	5
1.1 Американское вмешательство в ход гражданской войны в Китае 1927–1950 гг.....	5
1.2 Тайваньский фактор в американо-китайских отношениях в XX в.....	12
Глава 2 Взаимоотношения США, Тайваня и КНР в современный период.....	18
2.1 Американо-китайское взаимодействие в рамках «Политики Одного Китая»	18
2.2 Тайваньский вопрос в структуре отношений США и КНР в XXI в...	22
Глава 3 Проблемы и перспективы американо-китайских отношений в свете тайваньского фактора в новом веке.....	28
3.1 Основные параметры обострения тайваньского вопроса в современном взаимодействии США и КНР.....	28
3.2 Тайваньский фактор в перспективах развития американо-китайских отношений.....	36
Заключение.....	41
Список использованных источников.....	43
Приложение А.....	48

Введение

На протяжении десятилетий Тайвань был и остается важнейшим фактором экономических и политических отношений США и КНР. В то время, как ни КНР, ни Соединенные Штаты дипломатически не признают Тайвань, эта страна является в значительной степени полноценным актором на мировой арене.

Актуальность темы определяется противоречиями, создаваемые «тайваньским фактором» способными привести к резкой эскалации до состояния полномасштабной войны между двумя крупнейшими державами планеты.

Анализ научной литературы по теме исследования позволяет констатировать, что фактор Тайваня в американо-китайских отношениях широко рассматривается отечественными учеными. Исследования на тему тайваньского фактора в американо-китайских отношениях представлены работами С. Н. Белевцевой [2]; В. Б. Кашина [17]; А. Г. Ларина [23] и др.

Цель работы состоит в изучении фактора Тайваня в отношениях между США и КНР.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- рассмотреть американское вмешательство в ход Гражданской Войны в Китае в 1927–1950 гг. XX в.;
- изучить влияние тайваньского фактора на американо-китайские отношения в XX в.;
- рассмотреть американо-китайское взаимодействие в рамках «Политики Одного Китая»;
- рассмотреть тайваньский вопрос в структуре отношений США и КНР в XXI в.;
- проанализировать основные параметры обострения тайваньского вопроса в современном взаимодействии США и КНР;
- рассмотреть тайваньский фактор в перспективах развития американо-китайских отношений.

Объект исследования – Тайвань.

Предмет исследования – отношения между США и КНР в контексте тайваньского фактора.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в комплексном анализе тайваньского фактора в отношениях между США и КНР.

Глава 1 Исторические основания возникновения тайваньского вопроса в рамках американско-китайских отношений

1.1 Американское вмешательство в ход гражданской войны в Китае 1927–1950 гг.

После завершения Первой мировой войны внешнеполитический курс Соединенных Штатов принял форму так называемого изоляционизма, что означало сознательное дистанцирование от европейских конфликтов. Однако данный подход не распространился на Азиатско-Тихоокеанский регион. Ярким свидетельством интереса США к этому пространству стала Вашингтонская конференция (12.11.1921 – 6.02.1922), на которой американская сторона предложила вынести на обсуждение не только вопросы ограничения вооружений, но и урегулирование ситуации в АТР, включая китайскую проблематику.

Ситуация в Китае оказалась в центре внимания в силу отсутствия там устойчивой центральной власти. Страна переживала период фрагментации: многочисленные милитаристские группировки контролировали различные регионы, а влияние коммунистического движения стремительно нарастало. В таких условиях западные державы, прежде всего США, усматривали угрозу своим политическим и экономическим интересам. Внутри американского истеблишмента разгорелись острые дебаты о характере участия США в делах Китая. Группа сенаторов, включая Бора, Кинга, Спенсера, Уолша и Франса, открыто осудила внешнеполитический курс правительства, усматривая в нем черты неокOLONиализма [14, с. 179].

Тем не менее, 6.02.1922 в рамках итогов Вашингтонской конференции был подписан так называемый договор девяти держав (Китай, США, Великобритания, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды и Португалия), который закреплял обязательство сторон уважать суверенитет, территориальную целостность Китая и проводить в отношении него политику «открытых дверей и равных возможностей». Документ исключал возможность установления исключительных привилегий в

какой-либо части китайской территории, тем самым отвергая концепцию «сфер влияния» [9, с. 324].

На практике же США предпринимали активные шаги в направлении политического и военного вмешательства. В начале 1920-х гг. американская администрация финансировала чжилийскую группировку милитаристов, рассчитывая объединить вокруг нее страну. Однако эта ставка не оправдалась: войска Чжили потерпели поражение от армии Южного правительства Сунь Ятсена. В ответ президент Калвин Кулидж санкционировал ввод 17 военных кораблей и 6 торпедных катеров в район реки Янцзы. В октябре 1924 г. американские морские пехотинцы были высажены на китайской территории в качестве демонстрации силы [22, с. 139].

В период с 1925 по 1927 гг. США, наряду с другими державами, участвовали в вооруженных экспедициях, направленных на подавление китайского националистического движения. Эти действия оправдывались необходимостью защиты интересов на фоне революционного подъема в стране [14, с. 100–110].

Сближение Гоминьдана с США позволило последним к середине 1930-х гг. занять ведущие позиции в китайской экономике. Американский капитал интегрировался с гоминьдановской бюрократической системой, а ключевые фигуры китайского правительства: Чан Кайши, Бай Чунси, Хэ Инцин, Сун Цзывэнь и Кун Сянси ориентировались на Вашингтон [11, с. 47]. В 1935 г. в Китае было учреждено полноценное посольство США, которое возглавил Н. Т. Джонсон, осуществлявший дипломатическую миссию с 1929 по 1941 гг. [15, с. 468].

Тем временем Япония начала последовательно реализовывать свои экспансионистские планы. С лета 1931 г. Токио приступил к аннексии Маньчжурии, намереваясь использовать ее как базу для последующего наступления вглубь Китая. Вашингтон с беспокойством наблюдал за происходящим, однако действовать не решился. По признанию государственного секретаря Генри Стимсона, администрация США избегала даже намеков на прямую конфронтацию с Японией [15, с. 188]. Лишь в январе 1932 г. была провозглашена «доктрина непризнания»

(доктрина Стимсона), в которой США зафиксировали нежелание признавать изменения, совершенные Японией в Китае силовым путем [15, с. 126].

Даже после начала полномасштабной японской агрессии против Китая в 1937 г. Соединенные Штаты ограничились экономическими санкциями. Несмотря на это, риторика в американском обществе смещалась в сторону более активной защиты своих интересов в регионе. США направили делегацию на Брюссельскую конференцию в ноябре 1937 г., где обсуждались перспективы стабилизации положения в Восточной Азии. Однако на тот момент Вашингтон не обладал ни внутренней политической волей, ни достаточными ресурсами для открытого противодействия. Ярким свидетельством такой пассивности стало уничтожение японцами американской канонерки «Пэней» на реке Янцзы в декабре того же года.

Только после нападения на Перл-Харбор США вступили в открытую войну с Японией, официально став союзником Гоминьдана. В ходе Второй мировой войны и последующей гражданской войны в Китае американская поддержка Нанкинского режима значительно усилилась. Вашингтон направлял крупные финансовые и военные ресурсы с целью укрепления позиций Чан Кайши как против японской армии, так и в борьбе с коммунистическими силами [22, с. 48].

Несмотря на продолжающуюся финансовую и военную поддержку Китая, в американском политическом истеблишменте нарастало разочарование в перспективах успеха Чан Кайши [22, с. 507]. В начале 1942 г. было подписано соглашение между правительствами США и Китайской Республики, согласно которому в Чунцин, временную столицу Китая после падения Нанкина в 1937 г., была направлена военная миссия США во главе с генералом Джозефом Стилуэллом. Главной задачей миссии стала координация действий с китайской армией против Японии. Однако, прибыв в Китай, Стилуэлл столкнулся с отсутствием у Чан Кайши реального контроля над большинством территорий страны [22, с. 487]. Кроме того, между ним и китайским лидером быстро обострились разногласия в вопросах стратегического планирования, что в конечном итоге привело к дипломатическому конфликту. 19.10.1944 по инициативе президента Рузвельта, Стилуэлл был отозван в США и освобожден от должности [22, с. 491]. Его преемником стал генерал Альберт

Ведемейер, который попытался наладить взаимодействие между Гоминьданом и коммунистами, а также настаивал на использовании американской помощи исключительно для борьбы с Японией, а не для подготовки будущих столкновений с КПК (Коммунистическая Партия Китая) [14, с. 520].

В течение 1943 г. Рузвельт активно поднимал вопрос о поддержке Китая на конференциях в Касабланке, Квебеке, Каире и Тегеране [22, с. 389]. Среди практических шагов можно выделить подписание 11.01.1943 государственным секретарем К. Халлом соглашения об отказе США от экстерриториальных прав в Китае; сенат ратифицировал этот документ в мае того же года [22, с. 482]. Несмотря на эти усилия, президент в итоге признал слабость и неэффективность китайского правительства.

На фоне военных неудач Гоминьдана в 1944 г., Вашингтон начал проявлять интерес к коммунистическому движению в Китае. Это привело к первым дипломатическим контактам между представителями США и КПК. Тем не менее, внутренние идеологические барьеры в американском госдепартаменте, где коммунистов воспринимали как потенциальных противников, не позволили этим контактам перерасти в стратегическое партнерство.

Следует отметить, что внутри американского общества сформировалась и иная точка зрения. Представители либеральной интеллектуальной элиты – публицисты (Э. Сноу, А.-Л. Стронг), дипломаты (Д. Ачесон, Дж. Дэвис, Дж. Сервис, Р. Ладден) и ученые (О. Латтимор, Дж. Фэйрбэнк) – рассматривали КПК не как идеологических противников, а как национально ориентированную силу, обладающую поддержкой населения и способную эффективно противостоять японской агрессии [4, с. 58]. Однако эта точка зрения оставалась маргинальной: администрация продолжала придерживаться курса на безусловную поддержку Гоминьдана. 17.11.1944 посол США в Китае Кларенс Гаусс был заменен на генерал-майора Патрика Хэрли, который однозначно отверг любые попытки сближения с коммунистами, окончательно убедив КПК в недружественном характере американской политики [22, с. 539].

Поражение Японии в 1945 г. породило у Вашингтона надежды на стабилизацию ситуации и укрепление американского влияния в Китае. Однако возобновление гражданской войны между Гоминьданом и коммунистами нарушило эти расчеты. США, опасаясь усиления позиций СССР в регионе, усилили поддержку Чан Кайши. За последние месяцы 1945 г. американская помощь Гоминьдану по объему превысила предыдущие поставки во время антияпонской войны. В условиях, когда китайские коммунисты располагали полноценной армией, контролировали значительные территории и получали поддержку от Москвы, США не могли позволить себе отступление. Как признавал президент Трумэн, «мы не могли просто умыть руки», но и вовлечение в масштабную войну также представлялось неприемлемым. В результате Вашингтон ограничился предоставлением политической, экономической и ограниченной военной помощи, отказавшись от прямого участия в гражданской войне.

Осенью 1945 г. США предприняли решительные меры: началась переброска войск Чан Кайши в стратегические районы Северо-Восточного Китая при содействии американских военно-морских сил, несмотря на скептические оценки шансов удержания этих позиций. При китайской армии действовали около 6 тыс. американских инструкторов. Общая сумма экономической и военной помощи достигла 6 млрд долл. [14, с. 104].

Последней попыткой США стабилизировать китайскую ситуацию стала миссия генерала Джорджа Маршалла, назначенного личным представителем президента. С декабря 1945 по январь 1947 г. он пытался добиться заключения соглашения между Гоминьданом и КПК, считая коалиционное правительство единственным способом сохранить американское влияние в регионе. Однако Чан Кайши отверг возможность компромисса с Мао Цзэдуном, несмотря на дипломатическое давление США. Хотя он формально не отказался от переговоров, его действия демонстрировали стремление к сохранению однопартийного контроля. В ответ на это президент Трумэн распорядился ограничить военные поставки и гуманитарную помощь, что вызвало раздражение у Чан Кайши, но в конечном счете подтолкнуло его к продолжению переговоров.

Разочаровавшись в способности Чан Кайши к стабилизации положения, генерал Джордж Маршалл попытался выстроить более продуктивный диалог с китайскими коммунистами [12, с. 264]. Однако в среде руководства КПК отношение к Маршаллу оставалось настороженным. Коммунисты полагали, что американский представитель намерен оказать давление на их делегацию с целью принуждения к уступкам в пользу Гоминьдана. Эти подозрения не были лишены оснований. Сам Маршалл высказывал мнение о том, что программа Коммунистической партии Китая якобы не отвечает интересам широких слоев населения, тогда как Гоминьдан, как он утверждал, способен эволюционно привести страну к демократическому устройству. Он отмечал, что именно эта партия, как наиболее массовая, может сыграть ключевую роль в будущем Китая.

При анализе внешнеполитического курса США в китайском вопросе после капитуляции Японии необходимо учитывать фактор военного давления. В условиях нараставших опасений относительно укрепления позиций СССР и возможного перехода Маньчжурии под влияние Москвы, американская администрация приняла решение направить в Китай 50-тысячный контингент морской пехоты. Этот шаг, предпринятый по просьбе Чан Кайши, был призван укрепить Гоминьдан и послужить сигналом о серьезности американской поддержки. Однако фактическое присутствие войск США в стране стало предметом острой критики со стороны КПК, расценившей это как вмешательство во внутренний конфликт и один из факторов эскалации гражданской войны.

Сам Чан Кайши, рассчитывая на силовую поддержку, стремился вовлечь американские войска в боевые действия против коммунистов. Однако администрация Трумэна отвергла подобную возможность. Президент распорядился, чтобы размещенный в Китае американский корпус не принимал участия в вооруженном конфликте. Основной задачей контингента декларировалась демонстрация силы и символическая поддержка Гоминьдана без прямого вмешательства. На деле же затяжное пребывание американских военнослужащих только усиливало антагонизм среди китайского населения и мирового сообщества. Осознав негативные последствия, Маршалл направил в Белый дом предложение об

их скорейшем выводе, указывая на подрыв авторитета американской внешней политики [15, с. 86–87]. Несмотря на это, Трумэн медлил с эвакуацией, опасаясь ослабления позиций Чан Кайши и сталкиваясь с давлением со стороны конгресса и военно-политических кругов.

Тем временем конфликт между Гоминьданом и КПК усиливался. Представители коммунистов воспринимали миссию Маршалла как попытку навязать им соглашение с позиции силы, используя формально миротворческую риторику [25, с. 87]. Потерпев неудачу в посреднической роли, в декабре 1946 г. Маршалл признал провал миссии и в январе 1947 г. покинул Китай [25, с. 88]. Историк У. Коэн охарактеризовал этот момент как рубеж, на котором администрация Трумэна фактически смирилась с возможностью победы коммунистов в гражданской войне, рассматривая ее как нежелательное, но допустимое развитие событий.

В преддверии окончательной победы КПК Соединенные Штаты предприняли последнюю дипломатическую инициативу. В марте 1949 г. американский посол Л. Стюарт получил одобрение госдепартамента на установление прямых контактов с коммунистическими лидерами. Переговоры начались в мае, после взятия Нанкина войсками КПК. Вскоре последовало приглашение посетить Пекин. Однако открытое взаимодействие Стюарта с коммунистами вызвало резкую реакцию в среде американских консерваторов. Представители правого крыла (У. Х. Джайлс и Дж. Маккарти) обвинили администрацию в предательстве интересов националистического Китая. Под этим давлением 2.08.1949 Стюарт был отозван «для консультаций», и диалог с КПК был свернут по инициативе США [22, с. 105].

Анализируя американскую политику в отношении Китая в рассматриваемый период, следует отметить ее двойственность. С одной стороны, Китай воспринимался в Вашингтоне как важнейший геополитический элемент и потенциальный партнер в Азии, особенно в экономической и стратегической плоскостях. С другой стороны, до 1945 г. американскую политику сдерживала японская экспансия, а после – внутренний раскол Китая между националистами и коммунистами. В итоге целый ряд ошибочных решений, предпринятых США, в

совокупности с объективными внутренними факторами китайской реальности, привел к утрате Вашингтоном рычагов влияния в регионе и падению союзного режима Гоминьдана.

1.2 Тайваньский фактор в американо-китайских отношениях в XX в.

После поражения в гражданской войне в 1949 г. руководство партии Гоминьдан и ее сторонники эвакуировались на остров Тайвань, где объявили о продолжении существования Китайской Республики. Гарантом их безопасности выступили Соединенные Штаты Америки, рассматривавшие Тайвань как важный элемент стратегии сдерживания коммунизма в Азии. Уже в 1950 г., в условиях Корейской войны, президент Г. Трумэн отдал распоряжение о вводе седьмого флота ВМС США в Тайваньский пролив и размещении подразделений 13-й воздушной армии на острове, что фактически приравнялось к установлению военного контроля над территорией, на которую претендовали как Тайбэй, так и Пекин. В условиях складывающейся биполярной системы международных отношений Тайвань оказался интегрирован в антикоммунистический блок под эгидой США.

Заключенный в декабре 1954 г. американо-тайваньский договор о взаимной обороне предусматривал меры военного взаимодействия сторон на случай агрессии, включая совместные усилия по защите политической стабильности Тайваня от внешней подрывной деятельности со стороны КНР.

Нормализация американо-китайских отношений в 1970-х гг. существенно изменила расстановку сил. В 1971 г. Китайская Народная Республика получила право представлять КНР в Организации Объединенных Наций, заняв место Китайской Республики, ранее признанной в качестве официального Китая. Этот шаг положил начало политике «стратегической неопределенности» в вопросе статуса Тайваня. Важным этапом сближения между США и КНР стало подписание Шанхайского коммюнике 1972 г., где США признавали существование «одного Китая» и допускали, что Тайвань является его неотъемлемой частью [52]. Подобное сближение сопровождалось разрывом официальных дипломатических связей с

Тайванем и признанием КНР как единственного легитимного представителя китайского государства в 1979 г. Отношения с Тайванем были переведены в неофициальную плоскость, с акцентом на культурные, торговые и гуманитарные контакты [48, с. 18–19].

В то же время, несмотря на переориентацию внешнеполитического курса, в 1979 г. Конгресс США принял «Акт об отношениях с Тайванем», закрепляющий приверженность США принципу мирного урегулирования вопроса статуса острова. Согласно закону, США сохраняют за собой право поставлять Тайваню оборонительные средства, объемы и типы которых определяются исходя из текущих потребностей и решения исполнительной власти. На основании Акта было учреждено специальное квазидипломатическое представительство – Американский институт на Тайване, формально не обладающий статусом посольства, но выполняющий соответствующие функции.

Несмотря на подписание в 1982 г. американо-китайского коммюнике, в котором США заявили о намерении поэтапно сокращать поставки оружия Тайваню, фактически Вашингтон продолжил вооружать остров современными системами. Эта политика рассматривалась как инструмент давления на КНР и одновременно способ поддержания стратегического баланса в регионе. В тот же день тайваньской стороне были переданы так называемые «Шесть заверений» – принципы, декларирующие неизменность подхода США к взаимодействию с Тайванем. В числе прочего, в них подтверждалось, что США:

- не обязуются прекращать поставки оружия по заранее определенному графику;
- не согласовывают поставки с Пекином;
- не выступают посредниками между КНР и Тайванем;
- не пересматривают положения Акта об отношениях с Тайванем;
- не изменяют свою позицию относительно суверенитета острова;
- не оказывают давления с целью принудительного диалога между Тайбэем и Пекином [53].

В первой половине 1980-х гг. КНР предприняла ряд инициатив, направленных на мирное объединение с Тайванем. В 1981 г. председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Е. Цзяньин озвучил «девять пунктов» объединения, положенных в основу формулы «одно государство – две системы», позже детализированной Дэн Сяопином в виде «шести пунктов» (1982–1983 гг.). Ключевыми положениями программы являлись: установление прямых контактов между политическими силами и семьями, разделенными проливом; расширение торгово-научных и образовательных обменов; сохранение внутренней автономии Тайваня при интеграции в административную систему КНР, включая сохранение собственной армии и участие в центральных органах власти.

В то же время вопрос военного сотрудничества оставался чувствительным. Как отмечал заместитель помощника министра обороны США Майкл Чейз, в период с 1979 по 1997 гг. вопрос поставок вооружений стал определяющим фактором в американо-тайваньских отношениях. В 1980-х гг. Тайвань стабильно входил в тройку крупнейших покупателей американского оружия [44, с. 170–171]. Однако в условиях глобального противостояния с СССР США старались избегать эскалации в отношении Пекина. Официальные лица обеих сторон поддерживали контакт в закрытом формате – встречи проходили вне официальных помещений, как правило, в нейтральных локациях, а состав делегаций ограничивался представителями среднего уровня.

Наряду с этим, политический режим на острове вызывал критику в США. Авторитарный стиль правления тайваньского руководства и громкие скандалы усиливали напряженность. Особый резонанс вызвало убийство в 1984 г. в США известного писателя и журналиста Генри Лиу, известного своими критическими публикациями о Цзян Цзинго. Появились подозрения, что убийство носило политический характер и было организовано по инициативе спецслужб Тайваня, что нанесло удар по имиджу острова в американском общественном мнении.

Под давлением как внешних факторов, связанных с политикой США, так и внутренних трансформаций, вызванных активизацией «внепартийной» оппозиции, в 1987 г. президент Тайваня Цзян Цзинго объявил об отмене военного положения,

действовавшего с 1949 г. Этот шаг ознаменовал начало демонтажа авторитарной модели и открыл путь для либерализации политической системы. Важной вехой стало учреждение в 1986 г. Демократической Прогрессивной Партии – первой оппозиционной силы, легализованной в условиях перехода к многопартийности.

Процессы демократизации, охватившие остров, находили отклик и на материке. В 1986–1987 гг. в ряде китайских городов прошли студенческие выступления, кульминацией которых стали массовые протесты на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. Жесткое подавление этих акций армией, приведшее к многочисленным человеческим жертвам, вызвало резкую реакцию со стороны США, выразившуюся в санкционных мерах, охвативших торговлю, инвестиции и научно-техническое сотрудничество [38]. При этом, несмотря на официальное осуждение, Белый дом, во главе с президентом Дж. Бушем-старшим, демонстрировал сдержанность. По мнению исследователей, это объяснялось не только личными связями Буша с китайским руководством, но и стратегической необходимостью не допустить сближения КНР с СССР, на фоне активного восстановления советско-китайских отношений в конце 1980-х гг.

Распад Советского Союза в 1991 г. окончательно закрепил за США статус глобального гегемона, в то время как КНР начала курс на сближение с Российской Федерацией, стремясь укрепить альтернативные международные связи. В этой новой геополитической конфигурации усилился интерес к институционализации механизмов взаимодействия между материковым Китаем и Тайванем. Были созданы структуры, формально отвечающие за межрегиональный диалог: Совет национального объединения и Совет по делам материка на Тайване, а также Фонд обменов через Тайваньский пролив. Со стороны КНР аналогичную функцию выполняли Управление по делам Тайваня при Госсовете и Ассоциация по развитию связей через Тайваньский пролив.

В 1992 г. был достигнут так называемый «консенсус 1992 г.», согласно которому обе стороны признали существование «одного Китая», при этом оставив открытым вопрос о том, что именно подразумевается под этим понятием. Через два года администрация Билла Клинтона представила обновленный обзор американской

политики в отношении Тайваня (*Taiwan Policy Review*, 1994), предусматривающий расширение взаимодействия. В рамках этого курса руководство острова получило возможность осуществлять транзитные визиты на территорию США, американским официальным лицам разрешили проводить встречи с тайваньским президентом и министром иностранных дел, а взаимодействие в экономической и технологической сферах перешло на уровень высшего руководства. Кроме того, США содействовали интеграции Тайваня в международные организации, включая ВТО, МВФ и Всемирный банк.

Несмотря на постепенное демократическое обновление островной политической системы, в американо-тайваньских отношениях нарастала неопределенность. Это было связано, прежде всего, с изменением политической линии администрации Тайваня. В 1996 г. первым в истории острова президентом, избранным путем всенародного голосования, стал Ли Дэнхуэй. Первоначально он занимал умеренную позицию, подчеркивая культурное и историческое единство китайского народа. Однако в последующие годы его риторика все более смещалась в сторону поддержки идеи независимости Тайваня как отдельного международного субъекта.

Пик напряженности пришелся на 1995 г., когда Ли Дэнхуэй, при поддержке администрации Клинтона, осуществил визит в США, где выступил в Корнеллском университете. Хотя формально визит носил частный характер, Пекин расценил его как нарушение договоренностей о неформальном характере американо-тайваньских связей. В ответ Китай инициировал масштабные военные учения в Тайваньском проливе, что стало причиной так называемого «третьего тайваньского кризиса» [19]. США в ответ направили в регион две авианосные группы, продемонстрировав готовность защитить Тайвань в случае эскалации конфликта.

Радикализация позиции Ли Дэнхуэя выразилась и в его заявлениях 1999 г. В интервью *Deutsche Welle* он охарактеризовал отношения между КНР и Тайванем как «межгосударственные», фактически отвергнув концепцию единого Китая. Этот шаг вызвал обеспокоенность в Вашингтоне. В преддверии выборов американский представитель, председатель Американского института на Тайване Ричард Буш,

встретился с вице-президентом Лянь Чжанем. В ходе встречи он подтвердил, что США по-прежнему заинтересованы в сохранении мира и стабильности в Тайваньском проливе.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что американское руководство в течение всего XX в. вело двойственную политику в отношении Тайваня и КНР, стремясь одновременно наладить связи с коммунистическим Китаем в рамках противостояния с СССР, так и формально не изменяя своим договоренностям в отношении Тайваня, невзирая на претензии Пекина.

Глава 2 Взаимоотношения США, Тайваня и КНР в современный период

2.1 Американско-китайское взаимодействие в рамках «Политики Одного Китая»

Политика «одного Китая», реализуемая Соединенными Штатами Америки, носит особый, прагматичный характер и существенно отличается от трактовки данного принципа, официально закрепленной в позиции Китайской Народной Республики. В отличие от большинства государств, признавших КНР и строго следующих как букве, так и духу концепции «единого Китая», США проводят курс, в котором сочетаются декларативное признание Пекина и фактическая поддержка Тайваня.

Несмотря на формальное соблюдение положений, закрепленных в трех американо-китайских коммюнике, а также декларируемое невмешательство в переговорный процесс между Пекином и Тайбэем, Вашингтон продолжает играть роль главного международного гаранта безопасности Тайваня. Такая поддержка осуществляется в трех ключевых направлениях:

- обеспечение обороноспособности Тайваня посредством продажи вооружений и развития военного взаимодействия;
- обмен визитами высокопоставленных официальных лиц;
- содействие участию Тайваня в деятельности международных организаций.

Характер и интенсивность неофициальных связей между США и Тайванем варьировались в зависимости от внутривнутриполитической конъюнктуры в США, международного контекста, динамики китайско-тайваньских отношений и личных позиций президентов. Конфликтный характер взаимодействия между материком и островом, нежелание тайваньской стороны идти на объединение с КНР, а также готовность Пекина использовать военную силу, предопределяли необходимость активного вовлечения США в региональные процессы. На этом фоне тайваньский кризис 1995–1996 гг., вызванный военными учениями НОАК вблизи острова и визитом Ли Дэньхуэя в США, стал поворотным моментом: США направили в регион

две авианосные группы, а уровень военного сотрудничества между Вашингтоном и Тайбэем значительно вырос.

На рубеже XX–XXI вв., при администрации Билла Клинтона и в начале президентства Джорджа Буша-младшего произошло углубление взаимодействия с Тайванем в оборонной сфере. Изначально ограниченное продажей вооружений, сотрудничество было расширено за счет стратегических консультаций, обмена визитами высокопоставленных представителей министерств обороны и реализации программ подготовки тайваньских офицеров. При этом администрация Буша рассматривала КНР как «стратегического соперника» [39, с. 609], что обусловило переход к более открытой и активной политике поддержки Тайваня.

В апреле 2001 г. Вашингтон анонсировал крупнейшую с 1992 г. сделку по продаже вооружений Тайваню, в которую входили эсминцы класса *Kidd*, подводные лодки и самолеты *Orion*. На законодательном уровне данная сделка была обеспечена через Уполномочивающий акт о внешней политике на 2003 финансовый год, который предоставил Тайваню доступ к передовым американским вооружениям и технологиям наравне с ключевыми союзниками США вне НАТО – Южной Кореей, Японией, Австралией и Израилем.

С этого момента режим обменов высокопоставленных визитов между оборонными структурами США и Тайваня был существенно либерализован. Тайваньские военные получили возможность посещать США на уровне министров и заместителей министров обороны, а также начальников Генерального штаба. С 2001 г. американские военные эксперты регулярно направлялись на Тайвань для участия в наблюдении за военными маневрами.

Дальнейшее сближение США и Тайваня в военной сфере наблюдалось в годы президентств Дж. Буша-младшего и Б. Обамы. Оно было обусловлено нарастающей угрозой реализации силового сценария со стороны КНР, усилившейся в результате масштабной военной модернизации, роста оборонных расходов, расширения военного присутствия в регионе и усиления националистических тенденций в китайском обществе.

Так, в период с 2008 по 2011 гг. США утвердили три значительные программы поставок оружия Тайваню. В октябре 2008 г. была одобрена поставка партии вооружений на сумму около 6,5 млрд долл., включая ракеты «*Patriot*» PAC-3, ударные вертолеты «*Apache*» AH-64D, системы модернизации самолетов E-2T до версии «*Hawkeye 2000*», ракеты «*Harpoon Block-2*», а также комплексы «*Javelin*». В январе 2010 г. анонсирована следующая крупная сделка на сумму 6,4 млрд долл., в которую вошли ракеты PAC-3, вертолеты «*Black Hawk*» и другие вооружения [8, с. 2]. В сентябре 2011 г. Вашингтон объявил о поставках комплектующих для модернизации истребителей F-16 A/B и оказании технической поддержки общей стоимостью около 5,9 млрд долл.

После серии крупных сделок по поставкам вооружений Тайваню в начале 2010-х гг. последовала четырехлетняя пауза, длившаяся до конца 2015 г. Причины этой временной приостановки заключались, по-видимому, в стремлении администрации США минимизировать негативное влияние новых поставок вооружений на американо-китайские отношения, особенно в условиях наметившегося с 2008 г. процесса нормализации диалога между Пекином и Тайбэем. Дополнительным сдерживающим фактором выступали внутренние бюджетные ограничения Тайваня, ограничивавшие объемы оборонных закупок.

В декабре 2015 г. администрация президента Б. Обамы одобрила новую партию поставок вооружений на сумму 1,83 млрд долл. В пакет входили два ракетных фрегата класса *Oliver Hazard Perry*, амфибийные боевые машины AAV-7, противотанковые комплексы *Javelin* и BGM-71F, переносные зенитно-ракетные комплексы *Stinger*, а также системы ближнего действия MK-15 *Phalanx*. Общий объем поставок вооружений Тайваню в период администрации Обамы превысил 14 млрд долл. Как и в случае с администрацией Дж. Буша-младшего, военное взаимодействие с Тайванем при Обаме выходило за рамки исключительно коммерческих поставок и включало иные формы кооперации.

К числу таких направлений относилось расширение обменов оборонными специалистами. В последние годы правления Б. Обамы активность военных контактов между Вашингтоном и Тайбэем существенно возросла. С 2012 по 2015 гг.

число представителей Министерства обороны США, посетивших Тайвань, увеличилось более чем в два раза: с приблизительно 1500 до 3200 чел. Однако, несмотря на растущее количество контактов, в политике США сохранялся ряд ограничений. Они касались, прежде всего, отказа от поставок вооружений наступательного характера, ограничения визитов высокопоставленных американских военных на остров, а также отсутствия совместных военных учений.

Подобная политика отражала стремление балансировать между соблюдением обязательств перед Тайванем и сохранением стабильности отношений с КНР. Пекин традиционно рассматривает все формы военного сотрудничества между США и Тайванем как прямое нарушение принципа «одного Китая» и положений совместного американо-китайского коммюнике 1982 г. В нем США заявили о намерении сократить поставки вооружений Тайваню как в количественном, так и в качественном выражении, с перспективой полного прекращения таких поставок в будущем. Тем не менее, Вашингтон продолжает оправдывать свои действия положениями Закона об отношениях с Тайванем от 1979 г., в котором закреплена обязанность США предоставлять Тайваню оборонительное вооружение в объеме, достаточном для обеспечения его самообороны [37].

На текущем этапе Соединенные Штаты фактически остаются единственным государством, способным осуществлять поставки вооружений Тайваню. С середины 1990-х гг. остров лишился доступа к альтернативным экспортерам: под дипломатическим и экономическим давлением Пекина сотрудничество с Тайванем прекратили такие крупные поставщики, как Франция, Германия, Нидерланды, Канада и Израиль.

Каждое новое заявление Вашингтона о предстоящих поставках вооружений Тайваню сопровождается обострением в американо-китайских отношениях. Пекин, как правило, реагирует на это введением ответных ограничений: отменой оборонных диалогов, отказом от двусторонних встреч в военной сфере, временными запретами на заход американских кораблей в Гонконг, а также угрозами введения санкций против американских оборонных корпораций, задействованных в контрактах с Тайванем.

Китайское руководство рассматривает как вызов не только сам факт поставок вооружений, но и ряд других аспектов американо-тайваньского взаимодействия. Одним из них являются транзитные визиты тайваньских президентов в Соединенные Штаты, осуществляемые с 2000 г. в рамках поездок к дипломатическим партнерам в Центральной Америке. Несмотря на их неофициальный статус, подобные визиты нередко сопровождаются встречами с влиятельными американскими политиками, представителями Конгресса и медиа-сообщества, а в некоторых случаях – публичными выступлениями. Эти эпизоды воспринимаются Пекином как нарушение духа прежних договоренностей и попытка Тайваня повысить свой международный статус при посредничестве США.

2.2 Тайваньский вопрос в структуре отношений США и КНР в XXI в.

В XXI в. внутренняя политическая динамика Тайваня приобрела определяющее значение для трансформации всей архитектуры отношений в треугольнике Тайвань – КНР – США. К началу столетия политическая система Тайваня уже окончательно утвердилась в рамках демократии [29, с. 119], и политика острова по вопросу независимости и взаимодействия с материком стала зависеть от политической принадлежности правящих элит. Основную конкуренцию за власть и влияние на внешнеполитический курс составляли две крупнейшие политические силы: Гоминьдан, традиционно ориентированный на сохранение статус-кво и развитие диалога с материковым Китаем, и Демократическая Прогрессивная Партия (ДПП), последовательно выступающая за укрепление тайваньской идентичности и расширение политической автономии, вплоть до провозглашения независимости.

Пекин в ответ выстроил преимущественно реактивную модель поведения: его действия в тайваньском направлении стали определяться изменениями на острове, а не собственными инициативами. Вектор китайской риторики, в том числе ее степень жесткости, напрямую зависел от поведения тайваньского руководства и от вектора политических преобразований, проводимых на острове.

С 2000 по 2024 г. на Тайване сменились четыре президентских администрации: Чэнь Шуйбянь (ДПП, 2000–2008 гг.), Ма Инцзю (Гоминьдан, 2008–2016 гг.), Цай Инвэнь (ДПП, 2016–2024 гг.), Лай Циндэ (ДПП, с 2024 г.). Наиболее острый период напряженности пришелся на президентство Чэнь Шуйбяня, при котором были фактически заморожены контакты между посредническими структурами – Фондом обменов через Тайваньский пролив и Ассоциацией по развитию связей через Тайваньский пролив. Чэнь, несмотря на публичные заверения о непринятии мер, способных изменить статус-кво, активно продвигал курс на формализацию независимости Тайваня. Его действия включали разработку альтернативной конституции, проведение референдумов, утверждение Закона о референдуме (2003 г.), формулирование концепции «двух государств по обе стороны пролива» (2002 г.), прекращение работы Совета национального объединения (2006 г.), инициативу о вступлении Тайваня в ООН под собственным названием, переименование государственных учреждений, а также выдвижение «четырех желаний» в 2007 г. [23, с. 86].

Ответом Пекина стало резкое ужесточение риторики и начало военных приготовлений. КНР нарастила группировку тактических ракет вблизи побережья, демонстрируя готовность применить силу в случае одностороннего изменения статуса Тайваня. В марте 2005 г. Всекитайское Собрание Народных Представителей утвердило Закон о противодействии расколу страны, предоставивший правовой механизм для применения «немирных средств» при попытке отделения Тайваня. Согласно тексту закона, КНР оставляет за собой право на силовой ответ в случае провозглашения независимости острова под любым наименованием, при наступлении обстоятельств, угрожающих национальному единству, или в случае исчерпания возможностей мирного воссоединения [42, с. 21–25].

Китайское руководство, стремясь нейтрализовать инициативы Чэнь Шуйбяня, ожидало от США более решительных действий по сдерживанию сепаратистских тенденций на Тайване. Однако реакция Вашингтона оказалась, с точки зрения Пекина, недостаточно жесткой. Давление со стороны Белого дома на администрацию Тайваня воспринималось последней как внешнее вмешательство,

вызывая раздражение и отказ от координации позиций. В результате, несмотря на задекларированную Дж. Бушем-мл. политику усиления взаимодействия с Тайванем, реализовать ее в полной мере не удалось.

Ситуация кардинально изменилась после победы на выборах в 2008 г. Ма Инцзю, представлявшего Гоминьдан. Его приход к власти ознаменовал разворот в сторону диалога и стабилизации отношений с материком. В основе его курса лежала поэтапная программа сближения, включающая: признание «консенсуса 1992 г.» как основы для возобновления переговоров; активизацию экономических и гуманитарных связей; обсуждение расширения участия Тайваня в международных структурах и возможность заключения мирного соглашения с КНР.

Пекин воспринял новый курс с одобрением. Впервые за долгое время в отношениях между двумя берегами Тайваньского пролива наметилось снижение политического напряжения, что позволило перейти к практическому сотрудничеству, прежде всего в торговле, транспорте, туризме и культуре. Таким образом, избрание Ма Инцзю стало точкой перегиба в развитии политической атмосферы в регионе и оказало стабилизирующее влияние на американо-китайско-тайваньские отношения [42, с. 25].

Процесс нормализации китайско-тайваньских отношений во время президентства Ма Инцзю приобрел высокую интенсивность и стал ключевым этапом в развитии диалога между двумя берегами Тайваньского пролива. Были восстановлены переговоры между Ассоциацией за развитие связей через Тайваньский пролив (КНР) и Фондом обменов через Тайваньский пролив (Тайвань), начался процесс устранения барьеров для экономического сотрудничества, расширились политические и деловые контакты. Стороны согласовали условия регулярного прямого морского и воздушного сообщения, упростили туристические процедуры для граждан материкового Китая и подписали множество соглашений в различных сферах: от финансов и почтовых услуг до здравоохранения, продовольственной безопасности, защиты интеллектуальной собственности и совместной борьбы с преступностью [24, с. 317]. Развивались также академические и образовательные обмены, укреплявшие гуманитарные связи.

Кульминацией этого сближения стало подписание в июне 2010 г. Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве между сторонами Тайваньского пролива (*ECFA*), которое закрепило преференциальный режим торговли и содействовало углублению взаимозависимости экономик. Хотя КНР формально не отказывалась от возможности применения военной силы в случае провозглашения независимости острова и не отменила размещение ракет, направленных на Тайвань, в этот период Пекин сознательно отказался от воинственной риторики. Вместо этого он акцентировал внимание на демонстрации мирных намерений и расширении экономического влияния как основного инструмента воздействия на Тайбэй.

Создание устойчивой экономической зависимости Тайваня от материка рассматривалось Пекином как стратегический путь к постепенной интеграции острова. Администрация Ма Инцзю, в свою очередь, стремилась минимизировать риск вооруженного конфликта, возросший в период президентства Чэнь Шуйбяня, и одновременно искала возможности для выхода из экономического застоя через усиление взаимодействия с КНР – второй экономикой мира. В этих условиях Вашингтон, заинтересованный в сохранении стабильности в Азиатско – Тихоокеанском регионе, дистанцировался от участия в диалоге, фактически делегировав инициативу сторонам конфликта. Снижение напряженности в Тайваньском проливе соответствовало стратегическим интересам США, поскольку позволяло избежать эскалации в еще одном потенциально взрывоопасном регионе.

Вследствие нормализации межбереговых отношений КНР продемонстрировала определенную гибкость в вопросе международного присутствия Тайваня. С 2009 по 2016 гг. Тайвань получил возможность участвовать в заседаниях Всемирной ассамблеи здравоохранения в статусе наблюдателя – впервые с 1971 г., когда представительство Китая в ООН перешло от Тайбэя к Пекину. В 2013 г. Тайвань был приглашен на Ассамблею Международной организации гражданской авиации, что стало еще одним шагом к ограниченному, но символически значимому признанию.

Однако позитивная динамика прекратилась после избрания президентом Тайваня в 2016 г. представителя Демократической Прогрессивной Партии Цай

Инвэнь, отказавшейся признать «консенсус 1992 г.» как условие для продолжения диалога. Хотя президент заявила о приверженности статус-кво и выразила готовность к переговорам без предварительных условий, Пекин воспринял ее позицию как вызов. КНР приостановила все контакты между Канцелярией по делам Тайваня при Госсовете КНР и Советом по делам материка Тайваня [5, с. 84]. Были предприняты шаги к сокращению международного присутствия Тайваня: Китай восстановил дипломатические отношения с Сан-Томе и Принсипи (2016 г.) и Панамой (2017 г.), что нарушило достигнутое в 2008 г. «дипломатическое перемирие» и сократило количество стран, признающих Тайбэй, до двадцати. Одновременно Тайвань утратил возможность участвовать в мероприятиях ВОЗ и ИКАО.

Осложнение отношений между Пекином и Тайбэем сделало неопределенной позицию новой американской администрации во главе с Дональдом Трампом. Уже в декабре 2016 г., еще до официального вступления в должность, Трамп нарушил негласное правило отсутствия прямых контактов с тайваньским руководством, приняв телефонный звонок от Цай Инвэнь. Этот шаг вызвал недоумение как в Пекине, так и на самом Тайване: в Тайбэе опасались, что Трамп использует Тайвань как инструмент давления в переговорах с КНР по торговым и геополитическим вопросам, в частности, по Северной Корее.

Несмотря на первоначальные сигналы нестабильности, в июне 2017 г. администрация Трампа утвердила очередной пакет поставок вооружений Тайваню на сумму 1,42 млрд долл. Однако одновременно с этим США вышли из Транстихоокеанского партнерства (*TPP*), в рамках которого Тайбэй рассчитывал получить доступ к новым экономическим рынкам. Выход из *TPP* стал серьезным ударом по внешнеэкономическим амбициям Тайваня, который надеялся через участие в этом проекте ослабить свою экономическую зависимость от КНР, повысить конкурентоспособность и избежать политической изоляции.

Тем временем КНР активизировала продвижение собственной инициативы по созданию Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (RCEP), куда Тайвань не был приглашен. В случае успешной реализации данного проекта и

дальнейшего ухудшения отношений с Пекином, Тайвань рискует оказаться в состоянии экономической маргинализации и утраты доступа к ключевым региональным рынкам.

Глава 3 Проблемы и перспективы американо-китайских отношений в свете тайваньского фактора в новом веке

3.1 Основные параметры обострения тайваньского вопроса в современном взаимодействии США и КНР

Тайваньский внутривластный фактор играет первостепенную роль в развитии ситуации вокруг острова, особенно в контексте стратегии Китая «мирного воссоединения» с Тайванем. Эта стратегия базируется на концепции «одна страна – две системы», предусматривающей предоставление Тайваню широкой автономии. Воссоединение должно стать результатом поэтапного процесса экономического и политического сближения между берегами Тайваньского пролива. Согласно китайской точке зрения, ключевыми элементами этого сближения являются шаги, такие как:

- установление регулярных контактов между представителями властей материкового Китая и Тайваня;
- развитие контактов с представителями общественно-политических движений, партий и лидерами общественного мнения на Тайване, при условии их согласия с «консенсусом 1992 г.», для обсуждения перспектив мирного объединения;
- развитие экономических связей между берегами Тайваньского пролива;
- содействие развитию гуманитарных связей и контактов в сфере образования;
- расширение контактов между людьми через Тайваньский пролив, включая взаимные поездки;
- обеспечение территориальной целостности КНР и сдерживание сепаратистских сил.

Иными словами, на базе экономической интеграции и развития гуманитарных связей и контактов между людьми предполагалось постепенно развивать

политический диалог и подойти к вопросу объединения на основе концепции «одна страна – две системы».

Китайская Народная Республика смогла реализовать экономическую составляющую своей стратегии «мирного воссоединения», став важнейшим экономическим партнером Тайваня. Так, в 2021 г. на материковый Китай и Гонконг приходилось 33 % тайваньской внешней торговли и 42,3 % экспорта. За период с 1991 г. по октябрь 2022 г. согласно тайваньской статистике в экономику материкового Китая было вложено более 200 млрд долл. США. Тайвань и материковый Китай связаны многочисленными совместными производственными цепочками, особенно в электронной промышленности. Однако политический аспект китайской стратегии воссоединения сталкивался с растущими проблемами еще до избрания президентом КНР лидера Демократической прогрессивной партии Цай Инвэнь. В период двух президентских сроков лидера партии Гоминьдан Ма Инцзю (2008–2016 гг.) отношения между сторонами пролива достигли своего максимума. Ма и Гоминьдан признавали «консенсус 1992 г.», ориентируясь на сохранение статус-кво в отношениях между берегами. Он использовал «Концепцию особых негосударственных отношений», которая предлагала иной подход по сравнению с концепциями «один берег – одно государство» и «особых межгосударственных отношений», продвигавшимися его предшественниками – Чэнь Шуйбянем и Ли Дэньхуэем. В то время Ма выступал против скорого объединения с материковым Китаем, одновременно подчеркивая статус Тайваня как самостоятельного государства – Китайской республики, претендующей на весь Китай.

Правление Ма Инцзю характеризовалось активным развитием экономической дипломатии между берегами Тайваньского пролива. Были подписаны многочисленные соглашения, направленные на гармонизацию стандартов безопасности продуктов питания, развитие туризма, установление морского, воздушного и почтового сообщения, а также инспекции поставщиков сельскохозяйственной продукции и сотрудничество в сфере метрологии и стандартов. Совместными документами регулировались вопросы ядерной безопасности, а также упрощения правил двусторонней торговли, охраны прав

инвесторов и интеллектуальной собственности. В марте 2013 г. было подписано амбициозное соглашение о торговле услугами.

На фоне быстрого экономического сближения между Тайбэем и Пекином на острове усилилась политическая оппозиция этому процессу. Катализатором стало ратификационное движение по Соглашению о торговле услугами, подписанному в июне 2013 г. Это соглашение открывало 80 отраслей китайской сферы услуг для тайваньского бизнеса и более 60 отраслей тайваньской сферы для бизнеса материкового Китая. Планировалось последующее соглашение о либерализации торговли товарами. В ответ на попытки фракции Гоминьдана в Законодательном Юане ускорить ратификацию соглашения в марте 2014 г. на Тайване возникло массовое протестное движение – «Движение подсолнечника». Коалиция тайваньских неправительственных организаций организовала протесты, которые сорвали ратификацию соглашения благодаря массовым акциям, включая захват здания Законодательного Юаня с 18 по 24 марта 2014 г. В дальнейшем противники соглашения продолжили демонстрировать свою силу, организовав в конце марта массовую акцию протеста, в которой по оценкам полиции участвовало около 116 тыс. чел., а по оценкам организаторов – до полумиллиона.

Таким образом, несмотря на уже существующую к 2014 г. прочную экономическую базу для интеграции между КНР и Тайванем и на конструктивные отношения с правившей на Тайване партией Гоминьдан, Пекин столкнулся с существенными ограничениями в реализации своей стратегии «мирного воссоединения». Эти препятствия были связаны с недостаточной поддержкой в тайваньском гражданском обществе, особенно среди молодежи, что существенно осложняло продвижение политики сближения и объединения [42, с. 21–25].

КНР отреагировала на новый поворот в тайваньской политике комплексом мер экономического давления на остров и попытками активизировать контакты в политических кругах Тайваня. Были приняты меры давления на представителей тайваньского бизнеса, имевших инвестиции на материке, но при этом поддерживавших ДПП. Они включали в себя дополнительные проверки расположенных на материке предприятий с угрозой их закрытия, провоцирование

китайских потребителей на организацию бойкотов и давление на местных партнеров тайваньских компаний с целью разрыва партнерских отношений. В ряде случаев китайским властям удалось добиваться изменения политических предпочтений тайваньских бизнесменов. Были введены ограничения (квоты) на отправку организованных туристических групп на Тайвань. Кроме того, активизировалась пропагандистская работа среди населения острова.

Новым поворотом в тайваньской политике стали направленные против власти Пекина массовые волнения в Гонконге, продолжавшиеся в течение большей части 2019 г. и приведшие к дискредитации концепции «одна страна – две системы», которая предлагалась Тайваню в качестве основы для воссоединения. Высказывавшиеся еще патриархом китайских реформ Дэн Сяопином надежды на то, что Гонконг послужит моделью для воссоединения острова с материковым Китаем, оказались похороненными. Гонконгские события серьезно изменили ситуацию в тайваньской внутренней политике, подорвав позиции сторонников расширения партнерства с материковым Китаем. Парламентские и президентские выборы января 2020 г. были вновь выиграны Демократической прогрессивной партией и Цай Инвэнь. Гонконгские протесты привели к росту активности тайваньского электората и к усилению антипекинских настроений среди молодежи [39]. На этом фоне изменения произошли в настроениях основных политических партий. Они коснулись и Гоминьдана, который рассматривался Пекином в качестве своего основного политического партнера на острове. Цзян Цичэнь, ставший председателем партии в марте 2020 г., уклонялся от упоминаний «консенсуса 1992 г.», хотя и не отрицал его. Партия стала воспринимать свою относительную близость к Пекину как проблему, влияющую на ее результаты на выборах. Отход Гоминьдана от прежней ориентации на конструктивные отношения с Пекином привел к сближению позиций основных тайваньских политических сил по вопросу об отношениях с КНР. В рамках нового консенсуса все основные политические партии острова выступили за сохранение статус-кво и за отказ от тех шагов, которые могут привести к усилению влияния Пекина на острове.

Дальнейший дрейф тайваньской политики в сторону сепаратизма в предстоящие годы представляется наиболее вероятным, однако вопрос лишь в его скорости. Эта тенденция поддерживается продолжающимся процессом формирования тайваньской идентичности, которая постепенно отделяется от общекитайской. Основой этого процесса является различие исторических судеб материкового Китая и острова с конца XIX в. по настоящее время. С момента захвата острова Японией в 1895 г. и до 1945 г. Тайвань и материковый Китай находились под разными режимами, а после окончания Второй мировой войны и до 1949 г. – лишь короткий период совместного правления под одним правительством во время гражданской войны. Важную роль в укреплении сепаратистских настроений играет целенаправленная политика тайваньских властей в сфере образования, культуры и формирования исторической памяти, которая способствует развитию уникальной тайваньской идентичности. Согласно регулярным опросам Центра электоральных исследований Университета Чжэнчжи, проводимых с 1992 г., к июню 2022 г. 63,7 % жителей острова считали себя «тайваньцами», 30,4 % – «и тайваньцами, и китайцами», а только 2,4 % – «только китайцами». В 1992 г. доля носителей двойной идентичности составляла 46,4 %, китайской – 25,5 %, а только тайваньской – 17,6 %. Эти данные свидетельствуют о значительном росте национальной самосознательности и укреплении отделения тайваньской идентичности от китайской [35].

На фоне негативных процессов в тайваньской внутренней политике кардинальные изменения принципов организации американо-тайваньских военных контактов в сфере обороны и безопасности выводят напряженность в регионе на совершенно новый уровень. Эти изменения произошли в результате общей смены парадигмы американо-китайских отношений в связи с приходом к власти в США в 2017 г. администрации Дональда Трампа, а также с начавшемся в 2018 г. экономическим и политическим противостоянием Пекина и Вашингтона. Уже в 2018 г. отмечалось формирование в США двухпартийного консенсуса по вопросу о необходимости политики сдерживания Китая. Этот консенсус предопределяет жесткую позицию всех ветвей власти США по основным проблемам отношений с

Китаем, включая тайваньскую. В 2018–2020 гг. в США произошло изменение системы регулирования американо-тайваньского ВТС (Военно-Техническое Сотрудничество), которое в 2019 г. помощник министра обороны США по Индо-Тихоокеанскому региону Рэндалл Шривер окрестил «нормализацией сотрудничества». До этого, начиная с подписания Третьего американо-китайского коммюнике 1982 г., американо-тайваньское ВТС проводилось с учетом возможной реакции Пекина [34, с. 28–38]. Давно отказавшись от закрепленного в коммюнике требования не наращивать поставки оружия на остров и двигаться в направлении их прекращения, США, вместе с тем, старались избегать шагов, способных вызвать слишком острое недовольство Пекина. Возможные сделки по поставкам оружия на остров проходили специальную процедуру одобрения (отдельные заявки со стороны Тайваня могли отклоняться), решения по одобрению оружейных контрактов с островом принимались пакетами, и для их оглашения выбирался удобный момент с учетом более широкого контекста американо-китайских отношений. В рамках же политики «нормализации» США перешли к одобрению новых контрактов на поставку оружия Тайваню в обычном режиме – так, как если бы Тайвань был дружественным США признанным независимым государством. Соответственно, сокращаются сроки одобрения новых соглашений и облегчается их оформление. Сотрудничество упрощается и благодаря принятию в США в 2018 г. «Закона о взаимных визитах тайваньских и американских чиновников всех уровней» (*Taiwan Travel Act*), фактически «нормализующего» политические обмены с непризнанным островом, включая контакты между внешнеполитическими и оборонными ведомствами. Хотя в законе нет упоминаний дипломатического протокола, в нем подчеркивается, что контакты должны быть организованы таким образом, чтобы обеспечивать «достоинство и уважение» прибывающим в США тайваньским официальным лицам. Формально не признавая Тайвань, США фактически устанавливают с ним полноценные дипломатические связи, элементами которых являются взаимные визиты и прямые контакты высших должностных лиц. Избегая любых упоминаний о признании Тайваня, некоторые американские источники используют применительно к политическим отношениям между Вашингтоном и

Тайбэем термин «нормализация». В мае 2019 г. состоялся вызвавший резкую реакцию КНР визит в США генерального секретаря Совета национальной безопасности Тайваня Дэвида Ли, который встретился со своим американским коллегой Джоном Болтоном.

В 2020 г. практика таких контактов была продолжена американскими властями: Тайвань посетил министр здравоохранения и социальных служб США Алекс Азар, который провел переговоры с президентом Цай Инвэнь и рядом членов тайваньского правительства.

В 2021 г. Тайвань принял ряд делегаций членов Конгресса США, при этом в некоторых случаях поездки поддерживались американским правительством, которое предоставляло военные самолеты для их осуществления. В 2022 г. такие визиты стали более частыми, а кульминацией американской активности стала поездка спикера палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси на остров. Изначально запланированный на весну визит Пелоси рассматривался как решительный шаг к «нормализации» отношений между США и Тайванем. Однако планы вызвали сильное недовольство со стороны Китая, который заявил, что подобные действия могут иметь негативные долгосрочные последствия для американо-китайских отношений [43].

Наиболее важной частью реакции Китая на визит стала значительная активизация военной деятельности Народно-Освободительной Армии Китая (НОАК). Учения были заранее запланированы и начались сразу после визита, что свидетельствовало о демонстрации силы и намерении показать свою позицию. По оценкам американских источников, Китай провел одни из крупнейших за всю историю учений в Тайваньском проливе. Особенностью этих учений стало систематическое и масштабное нарушение китайской авиацией и флотом медианной линии в проливе – неформальной границы между КНР и Тайванем. Пересечения медианной линии начались сразу после визита Пелоси и с тех пор приобрели регулярный характер (по состоянию на декабрь 2022 г.). Также увеличилось количество групповых полетов китайской авиации вокруг Тайваня и активность боевых кораблей флота в рамках масштабных учений (рисунок 1), что

свидетельствует о росте напряженности и демонстрации военной мощи со стороны Китая в ответ на визит спикера палаты представителей США [3].

Противостояние США и Китая в Тихом океане

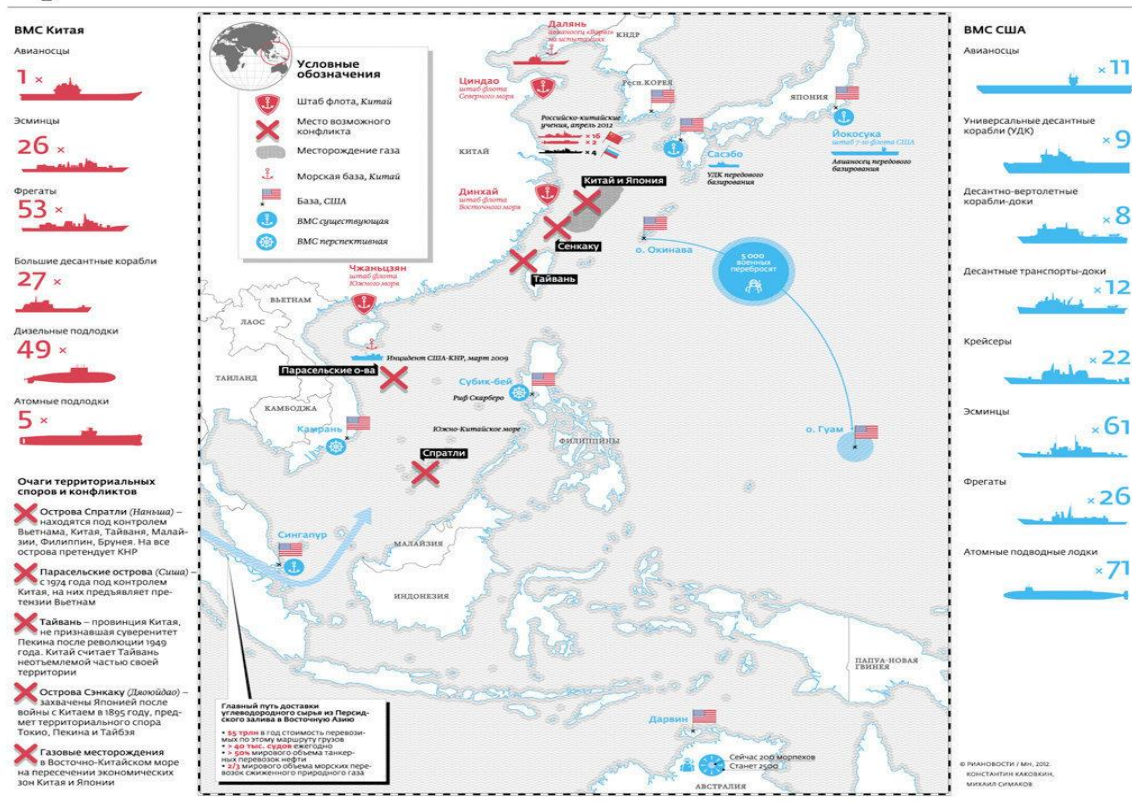

Рисунок 1 – Сравнение Военно-Морских Сил КНР и США в АТР [6]

Районы проведения китайских учений с боевыми стрельбами иногда выбирались таким образом, чтобы создавать сложности для торгового судоходства в регионе. В прилегающих к Тайваню районах проводились масштабные учения по высадке десантов с использованием боевой стрельбы, а также запускались баллистические ракеты, что усиливало напряженность в регионе.

Что касается воздушной активности, то китайская пилотируемая авиация не нарушала границы 12-мильной зоны территориальных вод вокруг контролируемых тайваньскими властями островов. Однако отмечались случаи нарушения воздушных границ Тайваня беспилотными летательными аппаратами не установленного происхождения. В начале сентября 2022 г. тайваньские вооруженные силы заявили о сбитии одного такого беспилотника, что может свидетельствовать о

продолжающейся эскалации и использовании различных средств для демонстрации силы со стороны Китая.

3.2 Тайваньский фактор в перспективах развития американо-китайских отношений

Соединенные Штаты Америки, несмотря на гневную риторику в отношении Китая, вынуждены маневрировать, понимая, что решение «китайского вопроса» невозможно без наращивания военных сил и формирования союзов в Азиатско-Тихоокеанском Регионе. По мнению проамериканских аналитиков, «тоталитарные страны» не способны конкурировать с «свободными странами» в борьбе за мировое лидерство. Однако события последних десятилетий показывают, что Китай является единственной мировой державой, способной конкурировать с США за глобальное превосходство. Ранее такой статус принадлежал Советскому Союзу до 1991 г. В интервью телеканалу CBS 25.10.2020 г. Джо Байден заявил: «Думаю, самая большая угроза для Америки прямо сейчас – это Россия, которая подрывает нашу безопасность и союзы. Второе – это Китай, который является крупнейшим конкурентом». Несмотря на технологический прорыв, Китай все еще испытывает острую зависимость от импорта американских технологий и участия в мировой финансовой системе. Именно эти факторы объясняют его осторожность в оказании активной технологической и военной поддержки России, опасаясь санкций со стороны США и их союзников, которые могут ударить по финансовому и промышленному сектору Китая. На сегодняшний день Китай еще не готов выступать в роли альтернативного США глобализационного ядра. Научно-технологический потенциал, уровень фундаментальных и прикладных исследований в прорывных областях, а также способность к адаптации коммуникационных стратегий и свободному движению капиталов, технологий и рабочей силы пока уступают американским возможностям.

Одновременно, солидарная позиция США, ЕС, Канады, Австралии и Японии по поддержке Украины и последовавший за ней санкционный режим в отношении Российской Федерации, проводящей специальную операцию в Украине, останавливает руководство КНР от применения активных военных мер на Тайване. Китайское руководство осознает все риски своего военного вторжения на Тайвань. В последние несколько лет правительство США стало рассматривать технологическую взаимозависимость с Китаем как главную угрозу американской безопасности, процветанию и ценностям демократического устройства. Вашингтон опасается, что Пекин может использовать технологические связи для кражи секретов, распространения дезинформации, наблюдения за диссидентами, захвата инфраструктуры США и обеспечения экономического и военного скачка Китая вперед. В результате американские официальные лица стараются сократить поток технологических продуктов, услуг и ресурсов из США в Китай и обратно. В настоящее время американские эксперты исходят из существования двух сценариев развития американо-китайских отношений. В экстремальном сценарии развязка расширяется и ускоряется до тех пор, пока не появятся отдельные геотехнологические сферы – одна с центром в Соединенных Штатах, другая с центром в Китае. Поскольку технология настолько переплетена с коммерческой деятельностью, такой технологический раскол резко сократит все виды экономического взаимодействия между Китаем и миром, ориентированным на США.

Процесс дальнейшего ухудшения американо-китайских отношений продолжается быстрыми темпами, причем не только из-за тайваньской проблемы. Важным шагом на пути к эскалации в начале октября 2022 г. стало решение администрации Джоозефа Байдена ввести жесткие экспортные ограничения на поставку в Китай современных микрочипов и оборудования для их производства, способное повлечь серьезные негативные последствия для китайской электронной промышленности [1]. Еще более серьезной потенциальной угрозой американо-китайским отношениям в целом и ситуации в Тайваньском проливе, в частности, является находящийся на рассмотрении в Конгрессе США «Закон о политике в

отношении Тайваня», получивший в сентябре поддержку комитета по иностранным делам сената. Законопроект представляет собой надстройку над «Законом об отношениях с Тайванем» от 1979 г. и содержит ряд неприемлемых для КНР норм, включая:

- выделение Тайваню 4,5 млрд долл. военной помощи на четыре года;
- придание Тайваню статуса главного союзника вне НАТО (несмотря на то, что Тайвань по-прежнему не признается в качестве независимого государства), что расширит доступ Тайваня к закупкам оружия и американской военной помощи;
- разработку государственным департаментом США специальной стратегии противодействия мерам давления КНР на страны, имеющие дипломатические связи с Тайванем;
- разработку стратегии сдерживания возможного китайского нападения на Тайвань, включая санкционную стратегию;
- создание канала для ускоренного рассмотрения госдепартаментом и министерством обороны США заявок Тайваня на поставки вооружений;
- признание приоритета Тайваня в получении оружия из излишков на складах вооруженных сил США;
- поддержку членства Тайваня в международных организациях и противодействие усилиям КНР по предотвращению этого членства;
- поддержку соглашению о свободной торговле между США и Тайванем;
- запрет американскому бизнесу в США предпринимать действия, направленные против политики США по Тайваньскому вопросу;
- введение механизма санкций против китайских официальных лиц и различных отраслей китайской экономики за проведение Пекином политики давления на Тайвань;
- повышение статуса Американского института на Тайване, директор которого получает статус «представителя», а его кандидатура будет утверждаться в сенате США по аналогии с послами [32].

Цифры американской военной помощи Тайваню также имеют тенденцию к росту. В частности, «Закон о военном бюджете США на 2023 г.», как предполагается, будет включать предоставление Тайваню военной помощи на 2 млрд долл. в течение пяти лет и еще на 1 млрд долл. ежегодно в форме поставок оружия из запасов американских вооруженных сил.

Поведение сторон в ситуации вокруг Тайваня свидетельствует о восприятии ими возможной угрозы полномасштабного вооруженного конфликта в ближайшие годы. Основной причиной такого конфликта, который может иметь катастрофические последствия для мировой экономики и региональной безопасности в Азии, является классическая дилемма безопасности, применяемая к ситуации в Тайваньском проливе: действия Вашингтона и Тайбэя по предотвращению попыток Китая силой присоединить остров воспринимаются Пекином как подготовка к объявлению независимости Тайваня. В ответ на это, усилия Китая по сдерживанию тайваньского сепаратизма, такие как военные учения, демонстрации силы и укрепление военной инфраструктуры могут восприниматься другими сторонами как подготовка к возможному вторжению.

В контексте текущей ситуации представляется важным отметить позицию американских ученых Б. Грина и К. Тэлмэджа, которые утверждают, что в случае объединения Тайваня с материковым Китаем данный остров неизбежно превратится в военный форпост Китая, значительно расширяющий возможности контроля над регионом. В частности, предполагается, что на территории Тайваня могут быть размещены силы флота и авиации, включая стратегические ракетноносцы, а также системы баллистических и крылатых ракет, а также элементы противоракетной обороны. Такой сценарий сделает остров ключевым звеном в китайской концепции «цепи упреждающего удара» (*«kill chain»*), что лишит США возможности эффективно действовать в Восточной Азии. В связи с этим американскому руководству рекомендуется сосредоточить усилия на предотвращении как дипломатического, так и военного сценария объединения Тайваня с материком [47]. В целом, политика Вашингтона может предполагать эскалацию ситуации в Тайваньском проливе и на самом острове. При этом США избегают прямого

вмешательства, одновременно продолжая оказывать поддержку Тайваню посредством поставок вооружений, разведывательной информации, данных собственной спутниковой группировки, систем связи и управления. Такой подход фактически втягивает в потенциальный конфликт Японию и некоторые страны НАТО: в Токио рассматривается возможность принятия военных мер по защите острова в случае агрессии со стороны материкового Китая; аналогичные намерения проявляются и в Лондоне, где планируется развертывание авианосной ударной группы в бассейне Индийского и Тихого океанов для оперативного реагирования на возможные кризисы [45]. Параллельно с этим, руководство Китая выражает глубокую озабоченность курсом на «декитаизацию» Тайваня [51].

Таким образом, постоянно накаляющаяся ситуация вокруг острова рискует перерасти в полномасштабный вооруженный конфликт между двумя ядерными державами.

Заключение

Фактор Тайваня изначально занимал ключевое место в системе американо-китайских отношений и до настоящего времени остается одним из наиболее чувствительных и потенциально конфликтных вопросов двусторонней повестки. Его влияние на взаимодействие двух крупнейших ядерных держав прослеживается с середины XX в., когда Соединенные Штаты оказывали всестороннюю поддержку Гоминьдану – сначала на материковом Китае, а затем, после его эвакуации в 1949 г., на Тайвань. Эта поддержка стала фундаментальной причиной непризнания КНР со стороны Вашингтона на протяжении трех десятилетий и долгое время блокировала установление дипломатических отношений с Пекином.

До 1980-х гг. США продолжали официально признавать Тайвань в качестве представителя Китая в международных организациях, включая ООН. Однако с момента дипломатического признания КНР в 1979 г., остров утратил официальный статус, и его роль в американо-китайских отношениях временно отошла на второй план. Это совпало с периодом «оттепели» и экономического сближения США и КНР, в ходе которого Вашингтон начал рассматривать Пекин как перспективного экономического и стратегического партнера в Азии.

Тем не менее, несмотря на провозглашенную политику «одного Китая», Соединенные Штаты не отказались от контактов с Тайванем, сохранив с ним тесное экономическое, военное и политическое взаимодействие. Поддержка Тайваня осуществлялась в обход официальной дипломатии – через Американский институт на Тайване, поставки вооружений, совместные оборонные консультации и политические транзитные визиты высокопоставленных лиц. Более того, в рамках Закона об отношениях с Тайванем 1979 г. США взяли на себя обязательства содействовать обеспечению безопасности острова и заявили о готовности к действиям в случае вооруженной агрессии со стороны КНР.

Такой двойственный подход Вашингтона неизбежно стал источником устойчивых противоречий с Пекином, который рассматривает Тайвань как неотъемлемую часть своей территории и стремится к его окончательному

присоединению. В стратегическом мышлении Китая вопрос Тайваня напрямую связан с восстановлением исторической целостности и национального достоинства. В то же время США видят в Тайване не только демократического партнера, но и важный элемент системы сдерживания Китая в Индо-Тихоокеанском регионе.

В XXI в., на фоне событий в Гонконге, где принцип «одна страна – две системы» был фактически нивелирован, на Тайване усилились опасения относительно перспектив объединения с материком. Это вызвало рост общественной поддержки курса на дистанцирование от Пекина и укрепление собственной политической субъектности. Подобная эволюция политической идентичности острова стала одним из ключевых факторов эскалации напряженности между КНР и США, особенно с учетом растущей военно-стратегической активности Китая в регионе и наращивания американо-тайваньского взаимодействия.

В этих условиях перспективы стабильного и взаимовыгодного сотрудничества между США и КНР оказываются все менее реалистичными. Тайваньский вопрос все чаще воспринимается обеими сторонами как «красная линия», нарушение которой может привести к прямому вооруженному столкновению. В особенности это актуализируется на фоне жесткой риторики, демонстрационных военных учений и усиления морского присутствия США в Тайваньском проливе, что Пекин расценивает как вмешательство во внутренние дела Китая.

Таким образом, фактор Тайваня представляет собой один из центральных и наиболее острых вызовов для стратегической стабильности в Восточной Азии. Он продолжает играть определяющую роль в американо-китайских отношениях, являясь зоной конфликта интересов двух глобальных держав. Обе стороны – и Вашингтон, и Пекин рассматривают остров как часть своей сферы жизненно важных интересов и, при определенных условиях, могут быть готовы к их защите с применением военной силы. Это делает тайваньский вопрос не просто двусторонней проблемой, но потенциальной точкой глобального кризиса с непредсказуемыми последствиями.

Список использованных источников

- 1 Байден подписал закон об инвестициях в чипы для конкуренции с Китаем. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/08/2022/62f29bf89a794775ce7df3f8> (дата обращения: 01.05.2025).
- 2 Белевцева С. Н. Развитие американо-китайских отношений в период президентства Дж. Буша-старшего // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 2 (66). URL: https://api-mag.kursk.su.ru/api/v1/get_pdf/4832/. (дата обращения: 01.05.2025).
- 3 Бессмысленная и беспощадная. Чего НэнсиPelosi добилась визитом на Тайвань для себя и Соединенных Штатов. URL: <https://www.kommersant.ru/-doc/5492637>. (дата обращения: 01.05.2025).
- 4 В НАТО оценили вероятность вмешательства в возможный конфликт вокруг Тайваня. URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/09/vmeshatelstvo/> (дата обращения: 13.05.2025).
- 5 Волошина А. В. Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 6. С. 80–93.
- 6 Война за Тайвань может стоить миру \$10 трлн. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/01/10/1014332-voina-za-taivan-mozhet-stoit-miru-10-trln>. (дата обращения: 23.04.2025).
- 7 В Тайване заявили о совместном с США продвижении демократии. URL: <https://ria.ru/20240114/demokratiya-1921316928.html?ysclid=ls3jl2pe3o90902961>. (дата обращения: 01.05.2025).
- 8 Давыдов А. С. «Китайская головоломка» администрации Б. Обамы // Азия и Африка сегодня. 2010. № 4. С. 2–8.
- 9 Дэвис Д. Э. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М. : Вагриус, 2009. 912 с.
- 10 Замглавы Госдепартамента США 17–19 сентября посетит Тайвань. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9478987>. (дата обращения: 01.05.2025).

- 11 Занегин Б. Н. Китайская революция на геополитических весах // США - Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 1. С. 54–64.
- 12 Занегин Б. Н. США и Китай: конфликтный потенциал // США - Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 3-4. С. 44–55.
- 13 Зиновьев Г. В. Китай и сверх державы. История внешней политики КНР (1949–1991). СПб. : Издат-во СПбГУ 328.с.
- 14 Индукаева Н. С. Экспансия США в Северо-Восточном Китае (1920 - 1924). М. : Наука, 1967. 200 с.
- 15 История США: в 4-х т. М. : Наука, 1985. 672 с.
- 16 Кандидат от правящей партии Тайваня заявил о победе на выборах. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6453084> (дата обращения: 23.04.2025).
- 17 Карякин В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира. М. : Граница, 2011. 288 с.
- 18 Кашин В. Последствия визита Пелоси на Тайвань ощутит на себе весь мир. URL: [https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/posledstviya-vizita-pe losi-na-tayvan-oshchutit-na-sebe-ves-mir/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/posledstviya-vizita-pe-losi-na-tayvan-oshchutit-na-sebe-ves-mir/) (дата обращения: 01.05.2025).
- 19 Кашин В. Тайваньская проблема: военно-политические аспекты и последствия для российско-китайского военно-технического сотрудничества. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/tayvanskaya-problema-voenno-politicheskie-aspekty-i-posledstviya-dlya-rossiysko-kitayskogo-voenno-tehnicheskogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 01.05.2025).
- 20 Клименко А. Ф, Каменнов П. Б. Военная политика КНР и ее роль в увеличении комплексной мощи государства // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 69–85.
- 21 Киреев А. А. Американо-китайские отношения: история и проблемы // Американистика на Дальнем Востоке. Ежегодный бюллетень: 2016. № 6. С. 13–17.
- 22 Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. М. : Наука, 1978. 687 с.
- 23 Ларин А. Г. Тайвань в 2005 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3. С. 86–91.

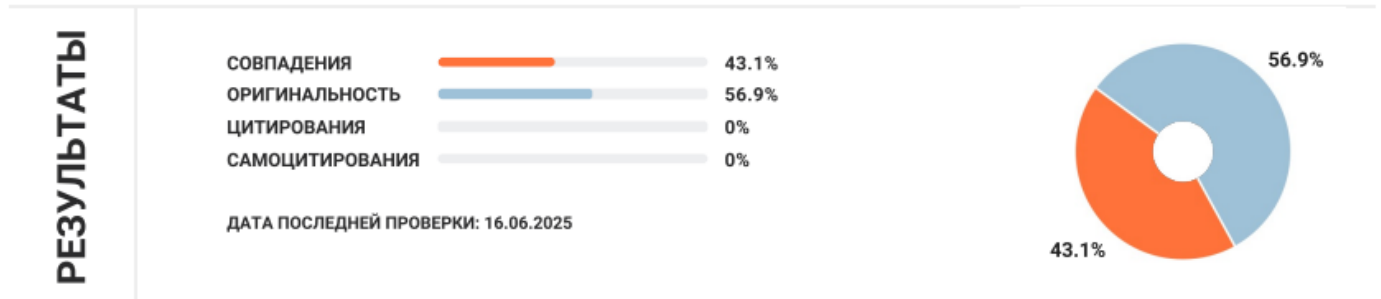
- 24 Ларин А. Г. Новый облик отношений между берегами Тайваньского пролива // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014. № 1. С. 310–322.
- 25 Ледовский А. М. Миссия Дж. Маршалла в Китай и советско-китайско-американские отношения // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 73–88.
- 26 Лексютина Я. В. США и политика «одного Китая» // Контуры глобальных трансформаций. 2017. № 5. С. 102.
- 27 Ли Гуаньцзюнь. Роль тайваньской проблемы в морской политике КНР // Международные отношения. 2013. № 4. С. 469–509.
- 28 Лычагин А. И., Комаров И. Д. Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 3. С. 531.
- 29 Малявин В., Чэнь Цзявэй. Демократическая прогрессивная партия и особенности политического строя на Тайване // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 118–129.
- 30 НАТО впервые провела специальные дискуссии по вопросу угрозы Тайваню. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16460007>. (дата обращения: 01.05.2025).
- 31 Поляков В. История и ход конституционной реформы на Тайване // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 25–35.
- 32 Полякова Т. В. Эволюция фактора Тайваня в отношениях между США и КНР // Аналитические доклады. 2014. № 3. С. 12–13.
- 33 Президент Тайваня заявила о нахождении на острове солдат США. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6179f6b69a794744864c3917>. (дата обращения: 01.05.2025).
- 34 Смирнов А. В., Ермаков Д. Н., Казенков О. Ю. Современные китайско-американские международные отношения в условиях глобализации // Социально-политические науки. 2022. № 3. С. 28–38.
- 35 Социальный протест на современном Востоке. М. : Аспект Пресс, 2016. 304 с.

- 36 США начали технологическую блокаду Китая. К чему это приведет. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/01/12/2022/63885c729a7947e1f3611ef6. (дата обращения: 23.04.2025).
- 37 Сюрприз от Джо Байдена: почему США начали поставлять оружие Тайваню по «украинской» схеме. URL: <https://tass.ru/opinions/18501723>. (дата обращения: 13.05.2025).
- 38 Танки после Горбачева: как разгоняли студентов на Тяньаньмэнь. URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/06/04_a_12394045.shtml. (дата обращения: 08.01.2025).
- 39 Тимофеев О. А. Китайско-американские отношения. История Китая с древнейших времен до начала XXI в. М. : Наука, 996 с.
- 40 Труш С. М. Отношения КНР и США на рубеже Обама – Трамп: политические и военно-политические аспекты // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 3. С. 48–67.
- 41 Чайковский М. М. , Казанцев А. А, Вестник МГИМО-университета, № 4 (25). URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=901. (дата обращения: 02.06.2025).
- 42 Чудодеев Ю. Китай: проблема мирного воссоединения Тайваня // Азия и Африка сегодня. 2008. № 12. С. 21–25.
- 43 Экс-госсекретарь США назвал Тайвань независимым государством. URL: <https://ria.ru/20220927/tayvan-1819875883.html>. (дата обращения: 01.05.2025).
- 44 Blackwill R. D., Zelikow P. The United States, China, and Taiwan: a strategy to prevent war // Council Special Report. 2021. No. 90. URL: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/csr90_1.pdf (дата обращения: 01.05.2025).
- 45 Brands H. Why Japan is gearing up for possible war with China // Bloomberg. 07.11.2022. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/features/2022-11-06/why-japan-is-gearing-up-for-possible-war-with-china-over-taiwan> (дата обращения: 01.05.2025).
- 46 Chase M. S. U.S. – Taiwan security cooperation: enhancing an unofficial relationship // Dangerous Strait: The U.S.-Taiwan-China Crisis. New York: 2005. P. 162–185.

- 47 Green B., Talmadge C. Then What? Assessing the military implications of Chinese control of Taiwan // *International Security*. 2022. V. 47. № 1. P. 7–45.
- 48 Hass R., Glaser B., Bush R. U.S.–Taiwan relations. Will China’s challenge lead to a crisis. // Washington: Brookings Institution Press. 2023. 208 p.
- 49 Lester L. Wolf, David L. Simon. Legislative History of the Taiwan Relations Act // *American Association for Chinese Studies*. 1982. P. 288–289.
- 50 Martin Lasater. The Changing of the Guard: President Clinton and the Security of Taiwan. Boulder: Westview Press. 1995. P. 223.
- 51 Patalano A. Why is a British carrier strike group heading to the Indo-Pacific? // *War on the Rocks*. 11.08.2021. URL: <https://warontherocks.com/2021/08/why-is-a-british-carrier-strike-group-heading-to-the-indo-pacific> (дата обращения: 01.05.2025).
- 52 Joint Communique of the United States of America and the People’s Republic of China. Shanghai Communique. 1972. URL: <http://www.china.org.cn/english/chinaus/26012.html> (дата обращения: 01.05.2025).
- 53 The «Six Assurances» to Taiwan. 1982, July. URL: <http://www.taiwandocuments.org/> (дата обращения: 01.05.2025).

Приложение А

Название работы: Фактор Тайвня в отношениях КНР и США
Тип работы: Не указано
Подразделение:

Структура документа: Проверенные разделы: титульный лист с.1, содержание с.2, введение с.3-40, выводы с.41-42

Модули поиска: Шаблонные фразы; ИПС Адилет; Перефразированные заимствования по коллекции Интернет в английском сегменте; СМИ России и СНГ; IEEE; Кольцо вузов; Переводные заимствования; Патенты СССР, РФ, СНГ; Диссертации НББ; Коллекция НБУ; Публикации eLIBRARY; Медицина; Перефразирования по коллекции IEEE; СПС ГАРАНТ: аналитика; Переводные заимствования по коллекции Гарант: аналитика; Цитирование; Интернет Плюс; СПС ГАРАНТ: нормативно-правовая документация; Публикации eLIBRARY (переводы и перефразирования); Публикации РГБ; Публикации РГБ (переводы и перефразирования); Кольцо вузов (переводы и перефразирования); Переводные заимствования IEEE; Перефразированные заимствования по коллекции Интернет в русском сегменте; Переводные заимствования по коллекции Интернет в русском...